

О. А. Платонова

И. С. ШМЕЛЁВ О «ПРАВДЕ ЖИЗНИ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

В статье предпринимается попытка определить типологические разновидности часто используемого в литературоведении понятия «правды жизни» с точки зрения соответствия этого понятия критериям оценки художественности, позволяющим выявить христианскую доминанту литературного произведения, на материале творчества А. П. Чехова и И. С. Шмелёва. Анализируется религиозно-философское писательское восприятие И. С. Шмелёвым художественно-мировоззренческих позиций А. П. Чехова.

Ключевые слова: Духовные ценности, «высшая» идея, критерии художественности, «правда жизни», Правда-Истина, творчески-религиозный, христианский.

Понятие «правды жизни» в художественном тексте само по себе отличается многоуровневостью и смысловой вариативностью. Та или иная установка в этом вопросе определяющим образом влияет на восприятие чеховских сюжетов.

Разноголосица отзывов об А. П. Чехове берёт начало с современной ему критики, которая в поисках «правды жизни» в произведениях писателя обвиняла его в равнодушии и одномерности изображаемого, приписывала ему пессимистический взгляд на мир, отсутствие «идеи» в его произведениях и даже отсутствие мировоззрения у самого автора: «...если бы вы знали, – вспоминал один из современников горькие слова писателя, – как меня ругали, жестоко, несправедливо, беспощадно» [1: 264].

Загадка личности и творчества А. П. Чехова по сей день оставляет простор для поливалентного толкования. Нередко встречаются «парадоксальные высказывания» в работах по изучению его произведений, особенно на предмет наличия в них некоей «конечной правды». Так, в статье под названием «Категория праведничества в творчестве Чехова», непосредственно затрагивающей понятие «правды» и тесно связанное с ним (лексически и семантически) понятие «праведничества», читаем: «Литературные произведения Чехова в основном посвящены... проблеме поиска новой системы ориентирования при сознательном, как бы заранее оговорённом отказе от веры в Бога, от Церкви. Как известно, подобный отказ характеризовал жизнь не только его героев, но и самого писателя» [11: 92].

Здесь же даётся ссылка на авторитетное исследование А. М. Любоумрова, а именно на его слова о том, что «понимание мистической реальности Церкви отсутствует в мире Чехова» [5: 103].

Тем не менее, в конце названной статьи содержится утверждение, вступающее в логическое противоречие с приведённым мнением её автора: «Писатель через литературное произведение дает понять, что нельзя найти “настоящую правду”» [11: 98], но нельзя её найти не вообще, в принципе, а именно в той системе жизненных ориентиров, из которой исключён «Бог

живого человека» [11: 98]. Если «отказ от веры в Бога, от Церкви» [11: 98] априори присваивается писателю и его героям, то о каком «Боге живого человека» идёт речь?

«Верует писатель или нет – об этом лучше судить не только по его отдельным высказываниям, – утверждает З. С. Паперный, – но прежде всего по его произведениям. Художник и мыслит образами и, если можно так выразиться, верует или не верует образами» [9: 273].

Из писателей-современников никто не отстаивал так последовательно и страстно религиозно-православную значимость и ценность творчества писателя, как И. С. Шмелёв (1873–1950). В своей статье «Творчество А. П. Чехова» (1945), написанной для зарубежного издания избранных чеховских произведений, из всего богатства современной родной словесности для разговора об её исторических корнях в качестве достойного образца И. С. Шмелёв выбирает имя А. П. Чехова. На конкретных примерах его произведений он «излагает с в о ё творческое кредо, рисует с в о й идеал писателя» [13: 7, 483]. Чтобы сделать свою мысль наглядной и убедительной для иностранного читателя, И. С. Шмелёв подводит под неё религиозно-философское и, отчасти, историко-литературное основание: *«Русская литература, – а с нею и гоголевская “Шинель”, – вышла из духовной сущности русского народа, из томлений его по “правое Божьей” на земле, из его веры в эту правду, из его исканий этой правды, при всей его необузданности и греховности, при всём его метаньи “от Мадонны к Содому”, по словам Достоевского. Особенность русской культуры – в её истоке. Русская культура – “запечатлённая” печатью тысячелетий: крещением в православие»* [13: 7, 542].

Образно выраженная здесь «теоретическая» платформа И. С. Шмелёва определила главные направления художественного анализа чеховских сюжетов не только самим автором, но и, в дальнейшем, другими ценителями творчества писателя.

Подчинение воли создающего художника «велению Божию» признаётся подлинным его предназначением, «спасением» в искусстве. «Творческая религиозность», признаком которой является первостепенность «вечного» по отношению к «зlobe дня сего», предполагает ориентирование на вполне конкретные духовные ценности (в отличие от обобщённых «общечеловеческих»). Поэтому как основной мотив в системе доказательств религиозности чеховского художественного мировоззрения И. С. Шмелёв выдвигает мысль о «верности» писателя *«художественной правде, черпавшей от народной правды»*. Мысль эта с настойчивостью повторяется в статьях и письмах: *«Да, он национальный, он народной Правды!...»* [13: 4, 312–313].

Понятие «народной правды» (выделено автором. – О. П.) в строе рассуждений Шмелёва служит едва ли не главным эталоном, в проекции которого рассматривается «сущность литературы русской» и чеховского вклада в неё. Согласно наблюдению А. М. Любомудрова, «понятие “правда” с самого начала вошло в произведения Шмелёва, став их концептуальным центром... Смысловое наполнение этого слова многообразно (“правда” – соци-

альная, нравственная, правда – народная, правда – Божья) и потому расплывчато. Как художник Шмелёв находился в некоторой зачарованности самим этим словом» [6: 119].

Однако для уяснения понятий представляется необходимым развести данные смысловые составляющие «правды», которые образуют, как представляется, две самостоятельные категории. Первая из них – «правда» социальная, нравственная, провозглашаемая, и как «народная», теми, кто активно борется именно за социальные перемены в народном бытии («за народное счастье»). Считается, что поборником понимаемых в этом ключе «народных» интересов некоторое время (до революционной катастрофы) был и И. С. Шмелёв. В главных сценах многих его произведений этой поры тема христианская «сливается» с темой революционной. Так, О. Н. Михайлов утверждает, что основные произведения Шмелёва, написанные до «Человека из ресторана» (1911), – «Вахмистр» (1906), «Распад» (1906), «Иван Кузьмич» (1907), «Гражданин Уклекин» (1907) – «все прошли под знаком первой русской революции» [8: 13].

Исследователь А. П. Черников считает, что перелом в сознании положительно настроенного к переменам И. С. Шмелёва произошёл раньше, а поражение революции 1905–1907 гг. ещё более «углубило недоверие писателя к социальным способам переустройства жизни и побудило обратиться к поэтизации вечных сущностных ценностей – природы, любви, красоты...» [12: 16].

Как «существенное» в его мировоззрении доэмигрантского периода А. М. Любомудров определяет то, что «правда неизбежно должна прийти в мир в рамках наличного исторического бытия. Это, по сути, гуманистическая вера в наступление светлого будущего, когда человечество заживёт “по правде”... Мысль об исторически достижимом преобразении (или преобразовании) народа и человечества близка русской классической литературе. (Вспомним размышления Гоголя о том, как преобразится русский человек “через двести лет”, идеи Достоевского о будущем “всемирном братстве”, Чехова о “прекрасном будущем” и т.п.). Пафосом “новой жизни” были увлечены и символисты, и реалисты-“знаниевцы” во главе с М. Горьким, к которым принадлежал Шмелёв» [6: 119–120].

Однако в пору «смятенности душевной», несмотря на «качания» и «шатания» И. С. Шмелёва в сторону от Церкви (от православной веры), по словам А. М. Любомудрова, его «художественная реальность оказывалась несравненно глубже и богаче рационально формулируемых идей» [4: 370].

Ярким свидетельством подспудной религиозности его творческого жизнеосмысления служит, на наш взгляд, характерная черта, проявившаяся достаточно недвусмысленно в одном из неподражаемых достоинств повести «Человек из ресторана» (1911), а именно в художественном воздействии «сияния правды» – сквозного мотива, сопровождающего жизненные наблюдения шмелёвского персонажа и запечатлённого в его высказываниях: «Без Господа не проживёшь», «Сила от Господа», а также в других откровениях человека [13: 1, 149–150].

Такое понимание «народной *правды*» включает в себе отнюдь не прекраснотушнные мечтания или доступные человеческому разумению эталоны счастья «через двести-триста лет», а Высшую – конечную «Правду» – Правду Божью.

Смысловое значение определений, составляющих словесный образ этой – «второй» – правды, принципиально отличается от земного, «человеческого», содержания «первой». Это понятие родственно тому, что в определениях русских писателей звучит как «*высшая идея*», «*общая идея*» (Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов), называется «*Богом живого человека*», «*Правдой Жизни*» (А. П. Чехов, И. С. Шмелёв), т.е. представляет собой категорию «высшего» порядка. Именуемая Правдой Божьей, она не подвержена изменению во времени и как выражение самой души народной, жаждущей общения с Богом, конечно, не может быть осознана и оценена только в земных координатах, вне своего духовного – религиозного – смысла.

Итак, понятие Правды, используемое И. С. Шмелёвым, в той области значения, которая отражает надмирное, религиозное его содержание, представляет собой «высшую», главенствующую над всеми другими «*правдами*» категорию, принципиально не сопоставимую ни с одной из них. Таким образом, «*правда*» И. С. Шмелёва и «*высшая идея*» Ф. М. Достоевского – названия-синонимы, понятия-родственники, обозначающие одну и ту же суть. В этом убеждают неоднократные упоминания имени писателя-пророка в контексте рассуждений И. С. Шмелёва, а также образные шмелёвские определения «*Высокой Правды*», которой «*покорна наша “тревожная совесть”*». Обращённость к «*правде жизни*», «*народной правде*», «*большой, живой правде*» [13: 3, 548, 551, 552] столь же обычна и частотна в лексиконе И. С. Шмелёва, сколько и апеллирование к понятию «скрепляющей» идеи у Ф. М. Достоевского.

Будучи главным критерием «художественности», критерий «высшей идеи», вечно живой «Правды» позволяет выявить «духовный» аспект восприятия произведений художественной литературы, что ещё раз подчёркивает религиозный (а не социально-бытовой) характер предлагаемого художественного анализа. Для ориентирования в заданной нетривиальной системе координат И. С. Шмелёв вводит в состав понятийного аппарата своего исследования следующие (основные) термины-положения (которыми и оперирует в работе): «*ёмкость духовная*», антиномия «*ум-сердце*» и понятие «*Зло-Грех*» в мире и человеке. Эти понятия, осмысляемые исключительно в религиозном контексте, у И. С. Шмелёва также играют роль критериев «художественности» рассматриваемых произведений.

При таком подходе к изучению художественного текста понятие «*правды жизни*» встраивается в ряд других терминов-категорий, объединённых по принципу своего онтологического «происхождения», среди которых могут быть как выделенные Шмелёвым «*зло-грех*», «*ум-сердце*», так и разрабатываемые на современном этапе другие терминологические дефиниции. Из числа последних перспективными для изучения религиозно-духовной основы чеховских произведений (и всей русской литературы)

следует признать аксиологически значимые концепты, связанные с христианской антропологией и сотериологией [З: 66, 103]. Постигание чеховской «правды» с привлечением таких, например, понятий, как «проповедь-проповедничество», «страсть-искушение», «прелесть-обольщение», «молитвословие», «спасение» (можно назвать и другие мотивы, темы и образы), представляется наиболее полным. Такой ракурс позволяет уловить не бытовую, а бытийный, не земной, а вечный смысл Правды в авторском, чеховском, её понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Гослитиздат, 1960. – 835 с.
2. Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов. (1935–1946). – М.: Русская книга, 2000. – 546 с.
3. Левшун Л. В. О слове преображённом и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск: Белорусская православная церковь, 2009. – 896 с.
4. Любомудров А. М. Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. – СПб.: Наука, 1994. – С. 364–393.
5. Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. – СПб.: Наука, 2002. – С. 87–109.
6. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе Русского Зарубежья: (Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
7. Михайлов О. Н. Об Иване Шмелёве // Шмелёв И. С. Сочинения: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 1. – С. 5–28.
8. Осьминина Е. А. Две статьи И. С. Шмелёва о А. П. Чехове // Русская речь. – 2002. – № 1. – С. 47–50.
9. Паперный З. С. Между небом и землёй (Рассказ «В овраге») // Anton P. Čechov – Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des zweiten internationalen Čechov-Symposiums. – Badenweiler, 20–24 Oktober. – 1994 / Herausgegeben von V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Nohejl. – München, 1997.
10. Собенников А. С. «Правда» и «справедливость» в аксиологии Чехова // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. – М.: Наука, 1995. – С. 27–34.
11. Тарасов А. Категория праведничества в творчестве Чехова // Молодые исследователи Чехова: Материалы международной научной конф. (14–18 мая 2001 г.). М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 77–91.
12. Черников А. П. Проза Ивана Шмелёва: Концепция мира и человека. – Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. – 344 с.
13. Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. (Т. 6–8 доп.). – М.: Русская книга: Известия, 2004. – Т. 1. – 640 с.; – Т. 3. – 352 с.; – Т. 4. – 560 с.; – Т. 7. – 592 с.